

Леонард И. Ибраев

Свобода слова и науки

Для чего, собственно, нам нужна свобода слова?

Ради защиты правды \equiv истинного знания (“информации”) от мошенников и насильников? Включая вельможных.

Ну, а если само “свободное” слово есть наглая ложь и зло?

Тогда свобода слова **для его критиков** и позволит эту ложь и зло разоблачить. Не потому ли свобода слова должна быть также и **для оппозиции и безграничной?** По прославленной декларации Вольтера: «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право его высказывать я готов пожертвовать своей жизнью». Абсолютная свобода слова и терпимость к ней (толерантность) – основная ценность демократии.

Доктрина проста и красива. Да вот конкретика её усложняет. Как всегда, дьявол таится в деталях, прежде всего в такой “детальке”, как **раздоры и противоречия** между людьми.

Допускает ли свобода рисовать карикатуры на короля или президента?

Обязательно, и без угрозы угодить в Бастилию.

А на пророка Магомета с бомбой в чалме?

А допустимо ли публиковать карикатуры на Христа, из венца которого вылетает американский бомбардировщик?

Или танцевать голышом перед богомольцами в храме?

Это тоже знание? Или провокация? Что тогда называется “оскорблять чувства верующих”? Что значит “разжигать межрелигиозную и межнациональную вражду”?

Да и просто: допустимо ли сквернословить в обществе?

Вот так и начинаются все склоки, а там и войны. Семейные, межсемейные, межкорпоративные, межрелигиозные, гражданские и международные. Всё от “свободы слова”? На чужой роток не накинешь платок.

И как тогда быть? Арест и тюрьма хулителю?

А как же основная демократическая ценность – свобода слова? Или любая свобода должна иметь *границы*? Твоя свобода махать кулаками ограничена носом соседа. Иначе говоря, выходит, нужна *цензура*?

А сами цензоры мудры и святы? Кто поверит в такое?

Или остаётся защищаться от безгранично свободного хулителя убийством – “терактом”?

Однако о чем шум? Как поучал великий Ленин в своей известной статье о партийной литературе, все вопли о свободе слова – лицемерие. Никакой свободы слова *нет*. Все слова писак направляют “денежные мешки”, публикаторы газет, журналов, книг, радиопередач и телевидения да силовые гос. ведомства. А потому самое лучшее и честное – передать дело всех публикаций единственной хорошей партии – коммунистической, единст-

венно справедливой для трудящихся. Так и сделали в коммунистических странах.

Неудачливый наемный адвокат В.Ульянов (Ленин), тщеславный и ожесточенный брат казненного студента, помогавшего, кстати, террористам, решил перевернуть систему, чтобы поменяться местами, самому стать нанимателем, хозяином, а всю страну превратить в наёмных работников своей тотальной конторы. А для этого, перейдя на иждивение генеральской пенсии матери, собрать – сплотить сторонников в свою партию.

И когда уж, было, совсем отчаялся в успехе, условия вдруг сложились удачно, и он преуспел-таки в своём проекте.

Но счастлив не был; наоборот, прошел через разочарование в претворении своей идеи, через предательство соратников, через перенапряжение и страшные мучения болезни. А, может быть, и через самоубийство или убийство. (Некоторые медэксперты тогда же усмотрели у него симптомы отравления *ядовитыми грибами*; это в январе-то!). Сбылось сорокалетнее предсказание его молодого “попутчика” меньшевика Г. Плеханова: большевистский “социализм – коммунизм” оказался всего лишь возрождением древней деспотии, только на “коммунистической подкладке”.

И хотя бы малейшей свободы слова для оппозиции в нем точно не было. Разве только для официозов, кто *«искренне»* [?] *всегда* и *во всем* защищал всевластие компартии – и все, *любые зигзаги* ее “генеральной линии”.

Тем не менее, Ленин был *абсолютно прав*: свобода слова литератора и художника в буржуазном обществе есть фикция и лицемерие, скрывающие его *зависимость* от «денежного мешка». Но прав исключительно **относительно** авторов *наёмных*. Они *зависимы* (“ангажированы”) и ими, действительно, можно помыкать.

Однако большевики воображали, что таковы *все* авторы. А это уже неверно.

Бывают авторы независимые – свободные. В. Брюсов тогда же, в 1905 году (журн. «Весь», № 11) в споре с Лениным привел примеры свободных творцов – поэта Артура Рембо и художника - импрессиониста Поля Гогена, бедствующих изгоев, отвергаемых всеми издателями, жюри и покупателями.

Правда, не раскрыв причин и границ этой неволи и свободы.

Видимо, **свободны** – прежде всего те, кто имеет *иной* денежный кошель, **свой собственный** источник дохода и благодаря этому независим от издателя. Как раз такими были идеологи – основоположники *классического либерализма*, люди состоятельные: Дж. Локк, сподвижник графа Шефтсбери и принца Вильгельма Оранского, или живший в своем родовом замке барон Монтескье, правда, простой и дружелюбный с крестьянами, или обеспеченный адвокат и землевладелец острослов Вольтер, или в молодости откупщик налогов К. Гельвеций, или богатый барон П. Гольбах, или основной автор Декларации независимости США (1776 г.), 3-й американский прези-

дент, плантатор (хотя противник рабства) Т. Джефферсон, или скромно, но вполне достаточно обеспеченный адвокат, эксперт Ост-Индской компании Дж. С. Милль, или аристократ и министр А. Токвиль.

В России таковы наиболее известные либералы – европеизированные помещики, преимущественно мелкие, как в большинстве декабристы, мечтавшие сменить крепостное насилие свободой найма и закона, их поэт А. Пушкин, другие известные литераторы П. Чаадаев, М. Лермонтов, А. Фет, А. Герцен, Н. Гончаров, И. Тургенев, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, Ф. Тютчев, лидер кадетов П. Струве, обеспеченный сын купца В. Брюсов. Иные из них издавали и собственные журналы и часто весьма дерзкие (“Современник”, “Колокол”, “Отечественные записки”).

Среди них и утвердилась пушкинская формула авторского поведения: «Не продаётся вдохновение, но можно рукопись продать». Фактически почти вся великая русская классика XIX века расцвела на этом дереве личной свободы художника в творчестве.

Конечно, **салиариям** (“зарплатникам”) не так комфортно держаться независимости, но всё же тоже возможно, если не превращать изначально творчество в “профессию” ≡ твой *единственный* доход. Как это доказали своим примером другие классики либерализма: например, практикующий врач Ж. Ламетри, или остроумец Д. Дидро, сын ножовщика, ученик монастырских колледжей, сподобившийся сана аббата, но, проникшись отвращением к святошам, предпочетший жениться на хозяйке полотняного магазина и зарабатывать переводами и публицистической литературой, или аббат Э. Кондильяк и его брат дипломат и утопический коммунист Г. Мабли, или прославленный математик и физик Д’Аламбер, или университетский профессор И. Кант.

И в России такие тоже были: хотя бы наш первый академик дерзкий М. Ломоносов, единомышленник декабристов М. Сперанский, благодаря своим редким способностям поднявшийся из семинариста и учителя в сановника и реформатора, публицисты – “разночинцы” В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Михайловский, университетский профессор Б. Чичерин, врачи - писатели А. Чехов и В. Вересаев, разнорабочий в лавке и в типографии поэт С. Есенин, яркий прозаик, переводчик и театрал М. Булгаков, актеры В. Шукшин и В. Высоцкий, школьные учителя А. Солженицын и В. Астафьев, преподаватель Ф. Абрамов, газетчики А. Вампилов и С. Довлатов, академик - физик А. Сахаров. И др. т. п.

Таковы же те бессребреники, кто ради независимости готов был даже *бедствовать*, как те же Рембо и Гоген, а у нас – А. Грин, А. Куприн, И. Бунин, Г. Газданов, А. Платонов, В. Шаламов, Н. Рубцов. Впрочем, иногда на них сваливается и некоторое богатство, но нежданно и часто посмертно.

Так что нет никакой обреченности “продаже своей души”, духовному рабству и моральному самоубийству.

Однако продавшимся авторам, в самом деле, сочинять по «заказу», даже якобы «общественному», вдохновения не приходит и ничего достойного не является. Большинство советских писателей оказалось на крючке “профессии” и даже лучшие из них не смогли явить свою оппозиционную фигуру в кармане сильнее, чем в эзоповых намеках.

Разница в положении советских и западных зарплатных авторов весьма существенна.

В *бюрократической* системе тоталитарной диктатуры есть один *единственный* хозяин - наниматель, *монополия* партийного государства, правда, реально представленного во множестве индивидуально различных бюрократических публикаторов - редакторов: одно дело – наёмные перестраховщики, вроде правоверного газетного идиллиста и конъюнктурщика Вс. Кочетова, назначенного в главреды журнала «Октябрь», другое – втайне оппозиционный главред «Нового мира» А. Твардовский и третье – хитрый циник В. Катаев в «Гудке» или в «Юности». Эти изловчались “пропускать клевету” Ильфа – Петрова, Абрамова или даже Солженицына.

А для остальных, не привлеченных начальством, возможность публикации зависела даже не от членства в Союзе писателей, а от вхождения в *группу* (“групповщины”) вокруг вверенного им казенного издания, их вотчины, “кормушки”.

Кто в ней новоявленный? “Свой”? И каково его влияние? (Обычно распределённое по чину.) Или посторонний конкурент ≡ претендент на твой кусок авторского счастья? За что он должен быть обречен на судьбу отверженного, обиженного “не признанного гения” или “графомана”. Часто только по этой безысходности – желчный “антисоветчик”, потом затравленный злостный антисоветчик, самиздатчик и тамиздатчик, приласканный ≡ подкупленный иностранный “агент влияния”.

Но каждый казённый публикатор своим креслом или головой отвечал за пропуск хотя бы одной строчки, неудобной огромной чиновной *иерархии цензуры* над ним: облита и идеологических отделов парткомов разного уровня, районного комитета, городского, областного и до центрального, не говоря о *самозванных* контролёрах – “критиках” из разных газет.

Каждый бдительный карьерист норовил *выслужиться* – придраться к любому слову автора и публикатора, обвинить в нелояльности и наклепать на виновника наказаний, «заткнуть», «дать по рукам» – вплоть до увольнения и даже ареста. Доходя сплошь и рядом до анекдота, вроде требований запретить снимать фильм по «Трем сестрам» Чехова: офицеры там похожи на советских, или по «Доходному месту» Островского: не намек ли на советское кумовство?

Зато система открывала самый широкий простор многотиражных публикаций для литературы и фильмов, рисующих самую свободную, счаст-

ливую и прекрасную страну в мире – СССР. Хотя кто бы, кроме кабинетных и других *тепличных* мечтателей или иностранцев, был в состоянии верить этим идиллическим картинкам?

А в пропаганде открыта трескотня славословий о самой лучшей (и, в самом деле, самой красивой) Конституции с гарантией всех мыслимых “свобод”: слова, печати, собраний, совести, неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки, права на труд, отдых, бесплатное образование, социальное обеспечение и т. д., – “подлинной демократией для трудящихся”. Правда, как потом объявляли партсъезды, при всех прекрасных гарантиях сказочной Конституции – премудрые парт. секретари и гебисты каким-то дивом всего-то “по ошибке” отправляют в лагеря и на тот свет миллионы этих самых трудящихся. И поучают ученых, как делать науку, художников, как рисовать, а крестьян, где сажать пшеницу или кукурузу и когда убирать урожай.

Ах, кабы к этой декоративной Конституции да для её охраны ещё бы **независимые суды**, всенародно выборные и за её нарушение свергающие любое должностное лицо, – то-то бы наступил рай.

Эффект от цензуры и гонений инакомыслия для властей бывает низким и со временем только снижается, а то и становится обратным ожиданиям: официозная хвала становится позором, а официозная хула – славой. У нас стоило раскритиковать книгу или спектакль – и народ начинал жадно рваться к ним. Запретный плод нам подавай. Сам творец ошибся, запретив в раю кое-что.

Исключеньем были разве что подсудные запреты на военные тайны, неприкосновенность личной жизни, непристойности и порнографию, – но это как раз то, что меньше всего интересует народ. А важное – правда жизни, она же перед глазами чуть не каждого, и, когда печать ей противоречит, очерняет светлое – клеветает или лакирует или замалчивает чёрное, её просто не читают. А суждение, анализ и понимание жизни – как мысль запретишь? От запрещения мысль не исчезнет. Отключить мозги невозможно. История показывает, что когда время крамольных идей пришло, все усилия их запрещений и гонений тщетны.

Цензура способна *мешать* **обмену** мыслями – это да.

Но в легальной прессе запрет общения сразу прорывает «эзопов язык»: неисчерпаемые ловкие трюки иносказаний, притчи, двусмысленности, недомолвки и намеки, говорящие за себя факты с наведением читателя на не сказанный вывод и вплоть до по-видимости официозного опровержения запретного и восхваления отрицательного, – в контрасте с реальностью. Что же, их тоже запрещать? Можно подрезать книгу или фильм, но факты самой жизни не подрезать. От соседства с ними скрытые идеи становятся только красноречивей и убедительней. Притом доступны только для единомыслия, а для равнодушного цензора их тайный смысл неуловим. Так

влюбленные способны говорить всё при посторонних, но те не поймут тайный смысл их разговора. А в нелегальной прессе по рукам идут рукописи самиздата и тамиздата, а теперь таков сплошь весь бесцензурный интернет.

Преследования идей делают их героическими. Гнет в разделенной Польше русской, австрийской и немецкой монархий сделали для многих поляков знаменем освободительного движения даже их ретроградский католицизм.

Где большинство населения на самом деле довольно своим положением, там замок на рот не нужен. Для власти, которая пользуется поддержкой большинства народа, не опасны враждебные публикации: пусть себе тешатся, отведут душу: их мало кто слушает, так, отдельные “отщепенцы”, – не опасно. Легальность оппозиции лишь облегчает контроль за крамолой да быстрее обнаруживать и исправлять свои ошибки.

Запреты и преследования учреждаются от страха. Власти запугивают народ террором там, где сами втайне его боятся.

После полуразгрома – полупобеды революции 1905-7 гг.: выборов Думы, легализации партий, столыпинских реформ – экономическое развитие России ускорило – и в элите, и в народе прибавилось оптимизма и установилась небывалая у нас свобода литераторов, по оценке Горького, даже «полная». Во всяком случае, с декабря 1910 г. было позволено легальное издание даже большевистской “Звезды”, а с мая 1912 г. – “Правды”, но это не вызвало ни революции, ни хотя бы роста влияния большевиков (до бедствий войны 1914 г.).

Если бы не марксистско-ленинский *догматизм* (а на самом деле, скрытый страх властей за себя), не смешная страусиная глупость этого *самообмана* ≡ *запрета* в прессе критики и обсуждения социального смысла скрываемых провалов и застоя в экономике, разъедания бюрократии коррупцией, хищениями, подпольным предпринимательством и сращением с криминалом, распространения в стране алкоголизма, национализма и другого негатива, то рыночное реформирование Советского Союза могло бы начаться намного лет раньше, когда болезни еще не были так запущены и еще сохранялись ресурсы провести его, как в Китае, рациональней, без авралов и шоков. Как метко заметил Леонардо да Винчи: указывая ваши ошибки, враг полезней друга, их замалчивающего.

Без демократической борьбы мнений прекращается развитие всюду: в науке, технике, искусстве, экономике, политике. Монополизм в прессе общества – залог его скорой гибели. Как гибель одного такого легендарного коронованного дурака, не терпевшего дурных вестей. Его войска несли одно поражение за другим, но его вестники докладывали ему, как они одерживают одну победу за другой – и он беспечно пировал, когда враги ворвались во дворец и отрубили ему руки – ноги, оставив голову, чтобы, ползая, набирался позднего ума.

Одна беда и спасение – по мере роста в народе недовольства советской

реальностью всё меньше оставалось желающих внимать этим косметическим книгам и фильмам и всё больше становилось поклонников “клеветников” вроде Астафьева или Солженицына. Как бы ни был краснобай красноречив, ему верят тем меньше и тем больше сомневаются, чем усердней он затыкает рот оппоненту. От тюрьмы и даже от пули можно бежать, но от идей, овладевших умом человека, ему не убежать. Их можно одолеть только идеями же, если не истинными, то хотя бы похожими на истинные, убедительными.

Преследование инакомыслия, подавление свободы слова порождает только массовое *лицемерие*, которое в итоге получает общественное оправдание. Бывает, даже религиозное, – как в Коране “такья”: «Гнев Аллаха... *не* над теми, которые будут *приневолены*» к отречению, «тогда как сердца их тверды в вере». (Гл. 16, стих 108). Когда шиизм пришел к власти, иранские шахи стали уже запрещать “такья”. И в самом деле, каково-то властителю не знать, говорят ли ему его подданные искренне или лгут с благословения самого Бога. В таких условиях всякий спор с ними превращается в комедию. Чего успешно и добился тоталитаризм. Собранные в зале коллективы аплодировали и кричали здравицы и одобрямс Партии и её мудрому вождю Брежневу, а, выйдя из зала, тут же со смехом рассказывали о нем анекдоты. И в довершении комедии сам Леонид Ильич просил своего брдобрея веселить его пересказами ему свежих анекдотов о себе.

Какой прок от огромных тиражей книг и фильмов, если эти публикации не читают и не смотрят? Если книги отправляются прямым в макулатуру, а кинозалы пусты? Дорогая пропагандистская машина всё больше крутилась вхолостую.

Так самое тотальное всевластие оказалось бессилием.

А что же на другом полюсе, антиподе тоталитаризма – в “рыночной системе” частных капиталов?

Их *олигополии* через тайные или “*молчаливые*” сговоры легко переходят фактически в ту же *МОНО*полию. Господство в экономике огромных промышленных корпораций привело к их *финансовому господству* и в культуре: от издательств и эстрады до кино Голливуда, и в пропаганде спец. гос. ведомств, вроде щедро финансируемого правительством информационного агентства USIA (*United States Information Agency*) при Госдепе.

С середины XX века “производство новостей” в США по сути *монополизировано* комплексом из трех телесетей: **NBC** (*National Broadcasting Company*), **ABC** (*American Broadcasting Company*) и **CBS** (Си-би-эс, *Columbia Broadcasting System*), а также *международными* кабельными новостными каналами «**CNN International**» (*Cable News Network*) и MSNBC (**Microsoft** + NBC) и *информационными агентствами* АП (**AP**, *Associated Press*), ЮПИ (**UPI**, *United Press International*) и крупными газетно-

журнальными концернами. Хотя олигополия незаметна за **жанровым разнообразием**: подчеркнуто общенациональным плюрализмом «USA Today» и «USA Weekend», принадлежащих Gannett Company, оплотом либерализма респектабельной «New York Times», противостоящих безвкусной пестроте развлекаловки и выдуманных сплетен в половодье из подобию Хёрстовских газет и TV-каналов.

А этот “информационный комплекс” Штатов, в свою очередь, сращен \$ мультимиллиардными интересами собственности и клиентских платежей с олигопольными корпорациями.

Из первоначально как будто нейтральных корпоративных (включая и государственных) сообщений и рекомендаций вырастает назойливая торговая **реклама**, фантастически **избыточная**, съедающая до половины цены товара, и самореклама фирм, их пресловутые «связи с общественностью» (public relations, *pr*), **пиар** – корыстное самохвальство, над которым смеются.

А из них в стеклобетонных офисах индустриальных медиакомпаний массовых газет, журналов, телевидения, радио, кино рождается воистину чудовище – **внедрение в общество выгодной идеологии**, пристрастная политическая ложь для миллионов – **пропаганда**, олигопольная и государственная.

Какой становится свобода слова там, где “право на ложь”, обосновывается её переименованием этим словом “**пропаганда**”, якобы всего “лишь распространения информации”?

Прибыль от коммерции и подспудный страх олигополий перед общественным разумом отвращают литературу и искусство *от* творчества ≡ художественного **открытия** в наших жизненных заботах и радостях того их **истинного смысла**, какого люди прежде не замечали, **нового** для нас, а гонят всего лишь за “**кассовым успехом**”, – в развлекательные пустышки, сериалы, пошлость мелодрам, детективов, боевиков и садистских триллеров, в культ вульгарной роскоши, насилия, похождения гангстеров, банкиров, генералов и в безликие потоки ординарных газетных штампов и банальностей вместо мысли.

Неважно, что в олигопольных публикаторах нет специальных цензоров. Зачем такая роскошь? В них *каждый* сотрудник совмещает в себе автора, редактора и сам себе цензора, потому что неуютное боссу просто не обнаруживают, а неуютного строптивного в итоге изгоняют, опустив изгоя в бойкот их привилегированного продажного мира.

И в общем итоге олигопольные публикаторы ведут себя совершенно аналогично тотальному бюрократическому монополисту, изображая “Америку” (≡ США) самой свободной, счастливой и прекрасной страной в мире, а её **идеологического** противника, а, как вскоре открылось, на самом деле, противника, прежде всего **геополитического**, в частности, Советского Союза, а потом России – карикатурно солдафонской, бедной и тупой. Антикоммунизм вдруг обернулся заурядной примитивной русофобией.

Конечно, и в США **есть** издания **разного** мнения и направления, дающие журналисту и читателю **выбор** более близкого его убеждениям. Среди них известны также и крайне оппозиционные журналы и сердитые книги, рисующие неприглядную изнанку мира продажности, таких знаменитостей, как, к примеру, Дж. Лондон, Т. Драйзер, У. Уитмен, Э. Синклер, О'Нил, Э. Хемингуэй, У. Фолкнера, Дж. Стейнбек или Дж. Сэлинджер. До сих пор гремят фильмы таких кинорежиссеров, как Ч. Чаплин, С. Поллак, Ф. Коппола, А. Пенн, даже А. Хичкок, хотя от неприятия злодеяний мастер триллера ударился в их психологическое смакование. С городских окраин вдруг поднимают популяр эстраду конформистского бунтарства разных «Битлз», «поп-культуры», как будто даже антибуржуазной, хотя часто лишь по маске, а на деле уже прирученной.

Этих уж не замолчать. Но вначале такого рода мятежных художников обычно *встречает* замалчивание, когда их не удостоивают не то, что критики, но даже упоминаний. Зачем делать диссидентам рекламу? Их тиражи мизерны. Много ли “узуров” у этих малотиражных “отщепенцев”? Они известны разве что среди строптивых высоколобых интеллектуалов.

Однако на непокорных протестантов, *опасно* влиятельных **противников** обрушивается очернение, травля, а то и убийства, будь то вождь негритянского движения за равноправие М. Кинг или даже президенты А. Линкольн и Дж. Кеннеди.

И в “свободном мире” вдруг обнажается давно для нас узнаваемое: для обуздания опасных “кадров” всякие ФБР и governors, даже местные власти устраивают “собеседования”, “слушания”, прослушивание телефонов, компьютеров и другую слежку за умонастроениями, проверку на благонадежность. И вот, опасаясь попасть в “черные списки” запрета на профессию и “испортить карьеру”, оказаться на улице, менеджеры, журналисты, сценаристы, преподаватели и даже ученые превращаются в банальных *испуганных конформистов*, избегая не то, что политических дискуссий, но хотя бы откровенности в частных разговорах.

Конечно, *внутри* страны, где люди знают о своей жизни по собственному опыту, пропаганде для убедительности приходится придерживаться хотя бы правдоподобия и объективности и обсуждать боли здравоохранения, наплыв нелегальных эмигрантов, загрязнение природы и другие реальные проблемы общества, но ради привлечения внимания публики ≡ увеличения тиража, продаваемости (главное – коммерция!) не гнушаются использовать обычные прелести “желтой прессы”: *сенсационные* “новости”, сплетни, утки, пошлый юмор и громкие *скандалы*, “разгребание грязи”, шумные “разоблачения”, а скорее, бездоказательные *дискриминации* своих конкурентов и политических соперников и оппонентов – очернением их частной жизни, хотя с ловким уходом от опасности судебных исков за диффамацию и решительным отсечением всего “вредного” для олигопольной системы в целом.

Но в пропаганде для своей страны *о загранице* или о своей стране для заграницы, по их “терминологии” (с 1992 г.) в “*идеологической войне*” – даже правдоподобие забыто. Что тут цацкаться с врагом? На войне – как на войне.

И беззастенчивости своего сквозь граничного вранья стыдятся (или, скорее, боятся разоблачения) сами продажные вральи, запрещая распространять внутри страны пропаганду, «предназначенную для зарубежной аудитории». Эта ложь про самих себя иностранцам своему-то народу будет слишком видна.

Продажные репортеры - циники лепят слухи и якобы документальные съемки постановочных спектаклей терактов, массовых расстрелов и захоронений, концлагерей и других злодеяний противника и собственной гуманности и демократии, чтобы, играя на предубеждениях и мифах, «формировать» удобное им «общественное мнение», имиджи стран и людей, утвердить мифы, посеять в людях оскорбленность, страх и ненависть к противнику и одобрение всяких благодеяний собственной политики, внутренней и внешней, *геополитики*, – для вербовки себе сторонников, для пробивания нужных себе решений даже в ООН, для поддержки «повстанцев» и «цветных революций», наказания «злодеев» бомбардировками и оккупациями чужих стран и их “*освобождения*” кабальными договорами.

Ещё и восхищаются собой, как “эффektivно” и “согласованно” лгали СМИ Америки и Европы 1992 -99 гг. про развал Югославии или в 2008 году про довершение развала Грузии.

И теперь мы уже даже не удивляемся позору их «свободного слова»: *гармоничному замалчиванию* обстрелов в Донбассе жилых кварталов из тяжелых орудий и ракетных установок, утаивание виновника гибели малазийского пассажирского боинга и других военных преступлений киевских национал-олигархических властей. Нас теперь только горько смешит почти проголосование в ПАСЕ его карателей “борцами с террористами”.

Притом как ни в чем не бывало, при прежнем самодовольном прославлении “свободы слова” у себя и бичевании её притеснений у противника.

Мир пропаганды деградировал до того, что даже уже не видит сам себя, своего отвратительного уродства.

Вот она, “конвергенция” так “конвергенция”! Крайности сошлись, крайности партийно-государственной *монополии* и частно-государственных *олигополий*.

Конечно, разница между, с одной стороны, “контролем” КПСС и КГБ над всеми издательствами и Гостелерадио, а также косвенно над «L'Humanité», «L'Unità» или «Morning Star» и, с другой стороны, “контролем” олигополий над масс-медиа, а Конгресса США и ЦРУ – над радио «Свобода» и «Свободная Европа», как видим, очень существенна; однако всё же *оба* “контроля” есть одинаково *неволя слова*, а из неё – ложь.

И так же их атлантические сателлиты не смеют пикнуть против миро-

вой воинственности своего “старшего брата” и по той же “ангажированности”, как не плакали наши варшавские “друзья”. Лишь иногда взбрыкивая.

Удивительно ли, что ныне две трети американцев своей прессе и выпускам новостей не доверяют и даже презирают как всего лишь пропаганду? У нас такие социологические замеры мне не известны. Скорей всего, раньше и не проводились. Разве что засекреченные. Но, судя по всему, “достижения” американской и европейской пропаганды еще ниже, чем советской. С чем и остается их поздравить. Должно быть, аналогичным будет и её конец.

Свобода слова умерла. Почти. Она еле теплится в крохотных малотиражах уцелевших действительно независимых издателей и продюсеров, однако мало денежных, поэтому мало известных и не делающих погоды. Зато свобода ширится на сайтах в интернете, хотя, к сожалению, слишком засорённом.

Тем не менее, и крохотная свобода – всё же свобода. Возможность издаваться в них или даже за собственный счет автора, пусть малым тиражом несравненно предпочтительней печальной судьбы отверженного царством бюрократии, – желчного “не признанного гения” или “графомана”. Это возможность оценки не у верхов, а провериться у конечного судии – читателя и зрителя, обрести статус П. Неруды, Дж. Лондона или Дж. Сэлинджера, любовь в народе, почет в интеллектуальной оппозиции и опасливую неприязнь в “элите”.

Но ничто не вечно под луной. Сила публикации – в выражении чаяний и мыслей народа, может быть, ещё смутно бродящих в нем. Идеологическая глушь длится лишь до *кризиса*, до поры, когда в обществе опасно ширится недовольство, а с ним и влияние этой ныне бедной и слабой оппозиции, но наступает пора бессилия цензоров подавить гласность.

Почему же и как возможны такие **прокрустации**¹ (тенденциозные отборы фактов, «фильтры»), искажения и фабрикация «фактов» и управления, манипуляции СМИ над общественными эмоциями и мнениями «населения»?

Очевидно благодаря *финансовой власти* олигополий, связывание публикаторов: *частных медиакомпаний и авторов* – невидимыми цепями денег: их **зависимости** от собственности на сами материальные Средства Массовой дезИнформации, и от её **платящей клиентуры**: рекламодателей и других поставщиков оплаченной информации: от 50 даже до 80% дохода периодических изданий, ежедневных и воскресных, идет от рекламы и только ~ 20% от его покупателей – читателей (как раз в пропорции с читабельным материалом в них). А самые щедрые рекламы дают крупные промышленные и торговые фирмы. А кто платит, тот и заказывает музыку.

Плата же зависит от тиража издания, почему многотиражные издания

¹ *Леонард И. Браев*. Ворота философии. Гл. 5.5 – 5.17, 6.3 - 6.9.

богаче и скупают малотиражные – и по всем странам идёт неумолимая *концентрация периодики*. Ныне какие-то считанные единицы газетных и журнальных концернов издают до 80% их общего тиража прессы в стране. В ФРГ > 60% тиражей прессы выдаёт всего лишь один концерн Шпрингера.

Но есть надежда: мне кажется, навязчивые бумажные, радио и ТВ рекламы и даже прилипчивые интернетные баннеры скоро перестанут нам досаждают – вымрут под натиском **торговых сайтов**, когда покупателю достаточно ввести в поисковик название товара и географию покупки, – и тотчас автоматически получить нужные сведения и даже заказать товар на дом. Современная *реклама* – абсурд, порожденный сбытовым кризисом. Только отчаяние застоя заставляет старозаветных продавцов по привычке её оплачивать в иллюзорной надежде оживить себе сбыт через эти толстенные рекламные газеты и журналы, которые выбрасывают, обычно даже не листая, – без всякой пользы для торговли, изводя горы бумаги (≡ деревьев) или зрительского терпения и питая в СМИ ложь.

Коммерция и конкуренция успешны в развитии производства. Впрочем, и тут в объективных нецеситных *границах*, которые вынуждают общество и государство к некоммерческим тратам на то, что *коммерции ненужно*: на фундаментальную науку, общедоступные школы, библиотеки, собес безработицы, старости, болезни и т. п. и преодоления мучительных дисбалансов экономических кризисов².

И, в частности, для искусства и mass-media рынок определенно пагубен. *Продажность* в них добро превращает в его противоположность, в зло: свободу творца – в его рабство; информацию – в дезинформацию; переживание искусства ≡ ценностное осмысление жизни – в пустую развлекалку; и даже образы гадостей, ужасов и злодеяний – в их смакование.

К сожалению, как, должно быть, видно уже всем, и современная Россия тоже двинулась по заурядному западному пути *коммерциализации* → *вульгаризации* искусства и СМИ. И с тем же печальным продажным удушением личной свободы творца. Едва ли нас ждет на этом пути торжество правды и расцвет литературы и искусства, хотя бы в чем-то сравнимый с великолепием бескорыстной русской классики XIX века.

Чтобы оправдать это *продажное разращение* информации и культуры и отбиться от возмущенных проектов учреждения общественной *цензуры* для защиты честности и морали, – коммерсанты от искусства и от СМИ едва ли не больше всех шумят о “свободе слова”.

Хотя кого обманывает их демагогия? На самом деле, корыстных торгашей публикациями, очевидно, заботят вовсе не честность информации и не процветание искусства, а за ним общества, а всего-то их *доходы* от продажи информации и больше всего от рекламы.

² Подробнее: *Леонард И. Браев*. Цены и деньги. Начала нецеситной квантовой экономики, Изд. «Диалог», 2010, гл. 4.1- 2, 5.

Как же разбить эти невидимые *цепи зависимости*? Вот о чем пора беспокоиться, о чем задуматься миру, качающемуся на *краю пропасти*, пока эти безответственные игроки, своекорыстные олигополии не доигрались, не сожгли мир в последней мировой войне.

Очищение общества от корыстной лжи я вижу в его переходе к **бесплатности потребления (личного)**³. Очевидно, корыстная ложь умрёт вместе с её корнем – *зависимостью* публикатора от оплаты, а оттого его продажностью (“ангажированностью”).

И начать переход общества к **бесплатному** потреблению, получается, надо как раз с авторов **факто**графических публикаций: репортажей и публицистики. Предоставить в их демократическое распоряжение **национализованные** крупные СМИ, «общественные». Пусть авторов оценивает не собственник (“хозяин”) конторы по продаже рекламы, а напрямую читатель, слушатель, зритель. Пусть авторы ≡ публикаторы по потребности бесплатно селятся в завидные жилища и бесплатно берут в магазинах товары (с социальной компенсацией продавцам их цены; поначалу пусть в пределах какой-то ограниченной, но достаточно приличной общей суммы – та же банковская карта). Но с угрозой для счастливец лишиться своей привилегии при судебно доказанной намеренной лжи или продаже рекламы.

Ну, а судьи кто?

Как видим, в привилегированный “*корпус честных*” потребуются включить также и **судий**: они ведь тоже устанавливают для общества факты.

Такой механизм **льготной** честности будет действенной любой праведной *цензуры*, о которой доньше отчаянно мечтают добрые встревоженные головы. Она станет ненужной.

А престижем и **честью** публикатора будут дорожить не менее трепетно, чем в старину дорожили честью дворяне.

Тогда на их честном фоне прочие современные корпоративные «пирамиды лжи» всяких алчных издательских, радио и ТВ-компаний и пропагандистских агентств просто захиреют и рухнут сами собой как очевидно **бесполезные** для коммерции: кто станет доверять их *продажному* слову? Кто его купит?

И не стоит скряжничать. **Откупиться от лжи обществу намного дешевле**, чем от неё страдать, гнить и, может быть, погибнуть.

А?

Среди олигопольных корпораций в американских и других современных СМИ далеко не последнюю роль играют *производители оружия*. Гигантская Эн-би-си принадлежит **RCA** (*Radio Corporation of America*), с 1986 г. – «*General Electric*» (локаторы, TV, компьютеры и т. п. электрони-

³ См. *Леонард И. Браев*. Необходимость и свобода..., гл. XIII.3.

ка.). Эй-би-си принадлежит **ИТТ Corporation** (*International telephone and telegraph*), получающей > 40% дохода от производства транспортного и аэрокосмического оборудования, в первую очередь военного. И т. д.

Естественно, этот сложившийся во вторую мировую войну и жирующий в послевоенную «холодную войну» американский «военно-промышленный комплекс» (ВПК), поглощающий около половины федерального бюджета, выступает рьяным лоббистом и организатором процветания своего самого опасного для общества, но и самого *выгодного коррупционного “бизнеса”*, – *гонки вооружений*. Ради своей корысти ВПК есть основной подстрекатель «холодной войны» и охранитель НАТО, даже после развала СССР и его Варшавского блока и несмотря на разоружение России (тем не менее, разумеется, под тем же прежним флагом «борьбы за безопасность»), – инспирирует розни, очагов напряженности и междоусобных войн буквально по всему миру, в подкрепление притязаний США на мировую гегемонию: разделяй и властвуй.

И сеятель доходных раздоров глобально “преуспел”, умудрившись посеять недоверие и враждебность к самим Штатам чуть не по всему миру. Этот **антиамериканизм**, естественно, уже оборачивается для них самих серьезными неприятностями, экономическими и политическими, вплоть до растущей изоляции, терактов и войн, недоверия в международной торговле к доллару, тем самым опасности подрыва финансовой силы Штатов и т. д., а со временем может и вовсе погубить. Но что для алчности олигополий реальные интересы собственной родины? Близорукий своекорыстный бизнес важнее.

Однако неверно преувеличивать влияние ВПК. Он в США пока далеко не всесилен. Несмотря на то, что куёт оружия больше, чем все остальные государства в мире вместе взятые, но его необъятные “аппетиты” (≡ заявки) удовлетворяются в среднем всего процентов что-то на ~ 15%.

И в самих Штатах он встречает растущую неприязнь в народе и даже среди бизнесменов из мирных отраслей, у тех, кому не перепало *армейских заказов* (хотя бы на амуницию) – заурядная зависть к “счастливчикам”: У нас издержки велики, а товар сбыть бы за полцены на распродаже. А эти гребут сверхприбыли, да ещё почти даром, беззатратно. Заводы им строят за казённый счет, а потом “передают в управление”, но свою продукцию они продают *подкупленным* чиновникам, наоборот, по завышенным ценам. И ради уверенней в их “*незаменимости*” купленные СМИ *запугивают* страну и мир.

Сам автор термина *Military-industrial complex* (1950 г.) – генерал и президент Д. Эйзенхауэр, лично способствуя его расцвету, уже в 1961 года высказывал опасения, что МИС может подавить демократию в США.

Между прочим, Барак Обама победил на выборах под лозунгом сокращения расходов федерального бюджета и урезания финансирования Пентагона за 5 лет на 71%! Но тут-то страна обнаружила себя в *ловушке*. Сокращение военных расходов (хотя бы наполовину) означала бы сокращение в ВПК ра-

бочих мест ~ на 1,6 млн., то есть рост безработицы (в 2012 году с 8,3% до 13,3%), следовательно, снижение потребления внутри США (то есть снижение их ВВП, а тем самым ослабление доллара, но рост торгового дефицита и гос. долга перед их центробанком – ФРС). А это потребует роста социальных расходов на пособия безработным да ещё инвестиций в частные фирмы для создания новых рабочих мест в гражданской экономике.

Однако для новых предпринимателей возможностей там мало: открыть свой бизнес легко, но удержать трудно. В отличие от России, Китая или Бразилии, с их огромными неудовлетворенными внутренними потребностями, – в США и подобных старых “*постиндустриальных*” странах гражданский рынок *перенасыщен* товарами – и до 90% их “новых предпринимателей” лет за пять, когда они исчерпывают свой первоначальный капитал, там кончают банкротством.

По сути, этот тупик есть ситуация *перманентного экономического кризиса*. Дальнейшее развитие экономики способны возбудить лишь принципиально *новые* технологии, возникающие из научных *открытий* новых феноменов. Но частный бизнес готов инвестировать в пределах только *известных* технологий и *коротких* сроков, а *отдаленность* и *непредвидимость* результатов фундаментальной науки для него непривлекательны и просто неподъёмны.

Поэтому, когда производство исчерпывает существующие технологические возможности товарного насыщения рынка, общество упирается в экономический кризис, в котором может *топтаться* годы, как было в 1929-39 гг., – пока его не выручит находка новой технологии или войны. Однако при нынешних ядерных и электронных технологиях большая война означает самоубийство человечества.

Таким образом, здесь общество упирается в естественную границу рынка. Для дальнейшего прогресса остается переход к **внерыночному развитию науки и технологии** – за счет **общественных** государственных инвестиций. Сегодня они достались ВПК. Но ведь около половины его продукции имеет назначение вовсе не военное, а гражданское, для мирного потребления: громадные пассажирские самолёты, навигационное и диспетчерское электронное оборудование аэропортов, скоростные электропоезда, телевизоры, мобильные телефоны, компьютеры, интернет, планшеты и т. п. прославленные символы “современной научно-технической революции”, о чем не любят вспоминать в критике ВПК.

Таким образом, **необходимо** первоочередное **освобождение от коммерции**, то есть **бесплатное обеспечение** не только **общественных** СМИ, но также и **развития науки и технологии**. Чтобы тем самым, их внерыночной (хотя и создаваемой посредством рынка) **общественной** организацией **освободить от милитаризма**. Бескорыстие вполне способно повернуть науку и технологии на цели **не военные**.

Мало ли забот на планете? Её ресурсы, климат, загрязнение и замусоривание природы, защита от астероидов, бурь, землетрясений и извержений вулканов, дефицит пищи, здравоохранение, избавление улиц от автомобильных заторов развитием по-современному комфортного общественного транспорта, сеянье не вражды, а мира между народами и стратами путём не “цветных революций”, а **бескорыстной** помощи школам и экономике отставших стран и страт – и т. п. великие добрые дела.

Однако как обеспечить свободу мысли и слова **внутри** самой науки? Откуда в ней берётся далеко не демократическое засилье разных *чудотeорий*, наподобие эйнштейновского релятивизма в физике или лысенковской антигенетики в биологии?

Конечно, для непосвященных они успешно декорируются под науку видимостью “терминов”, математики и эксперимента (на деле **не** полных) – и, чем абсурдней и непонятней, тем впечатляющей.

Как защитить науку от их неволи?

Увы, такие пустоцветы всплывают и царят едва ли не во всех науках. Специалисты из *любой* её отрасли легко приведут их примеры. Больше того, каждое из неизбежных в здоровой науке борющихся “направлений”, понятно, склонно считать такими своих оппонентов, как те – его. А кто из них прав и в чем именно, а кто в итоге попадёт в лжецветы, – это наперед не может быть известно. Это решит, “покажет” будущее, то есть практика.

Причина их временного успеха коренится в самом устройстве науки.

Ошибки в познании по самой его природе раньше или позже неизбежны, но их процветание и доминирование не обязательно. Если есть условия для **свободы мнения и критики** любых выдвигаемых концепций, они встречают опровержения, доказательства и соперничество инакомыслящих и не способны их подавлять и монополизировать – диктовать другим.

Однако с конца XIX века технический и организационный прогресс привел к установлению в экономике *олигополии*, а то и прямой *монополии* крупных корпораций – акционерных, частных или государственных. Процесс такой коллективизации – кооперации не миновал и науку. По своему социальному положению нынешний ученый чаще всего уже не одиночка - ремесленник, **независимо** обеспеченный, а потому и свободный в своих мнениях (хотя бы внутри своей специальности), какими были Ньютон или Фарадей, а *сalarий*, **наемный** работник и *чиновник* целой *иерархии* – со степенями, званиями и должностями, привилегиями и допусками, сотрудник большого коллектива коммерческо-бюрократической корпорации, проводящей эксперименты на огромном техническом оборудовании, подчас много крупнее и дороже, чем оборудование самого большого завода.

Поэтому такой наёмный ученый **зависим** от мнения начальства и - коллег, то есть уже **не свободен** в своих мнениях и поступках, а вынужден

“считаться” с ними, иначе говоря, либо *приспосабливаться* к ним: помалкивать, лицемерить и лгать, либо **бороться** с ними, рискуя пострадать или погибнуть. А на такой героизм способен далеко не любой гамлет, особенно, если он не принц, а всего лишь презренный “неудачник”.

Тем более, что свободолобие может грозить не только отлучением от профессии, но может быть опасно даже для самой жизни. Поскольку многие науки, подобно атомной физике или биохимии, образуют целые производственные **отрасли** и решают их успех или провал, а тем самым триумф или гибель целых партий и стран, то эти научные корпорации, естественно, получают **покровительство** и от экономических корпораций, и даже от государства и способны навлекать на несчастных вольнодумцев гнев и преследование уже государственные.

Конечно, в науке на роль начальника годится и способен претендовать не любой человек, а знающий, “компетентный”.

А судьи компетентности кто? Естественно, судьями здесь способны быть только сами компетентные – ученые. Поэтому обычно именно сами ученые и **выбирают** свое “руководство”, отчего оно хотя бы внешне вынужденно держаться с подчиненными более любезно и демократично и лавировать между разными мнениями, но на деле может угнетать, а часто бесстыдно их обирает, присваивая *себе* чужие труды.

В руководители часто идут отнюдь не самые способные и сведущие ученые. Наоборот, исследователю, **увлеченному** наукой, обычно не хочется отрываться от любимого дела, жаль терять время на досадные ему какие-то организационно-хозяйственные и бюрократические заботы – и они пропускают вперед на эти должности коллег пусть не очень, не самых сведущих и талантливых, но, как им кажется, хотя бы “достаточно” компетентных, зато готовых (“согласных”) и способных заняться этой доукой, но притом дружелюбных, “приятных во всех отношениях”. А такими нередко оказываются угодливо притворные карьеристы, но весьма посредственные специалисты, если не шарлатаны. Тем не менее, **после** выборов каждый из сотрудников в отдельности попадает в зависимость от администрации, теряет много свободы и нередко горько сожалеет о своем выборе.

Но как раз научному руководству чудо-теории незаменимо полезны в добывании финансов и протекции у государства и корпораций путём их очарования чудо-посулами *рая* и *страха*, – и оно свою кормилицу свято бережет – и далеко не демократически.

Что говорить? Понятно, это состояние **конформизма**: интеллектуальной неволи, молчания и притворства невольникам неприятно. И тут для преодоления душевного дискомфорта или хотя бы для его смягчения приходят социальные и нейропсихологические механизмы **самообмана**, исключение из своего внимания всех неприятных фактов и примысливание приятных. Но анализ и объяснение этого феномена **прокрустации**

даны в другой публикации (См. здесь выше сноску ¹).

Отсюда и происходит изумительное эпистемологическое явление – невероятная познавательная слепота. Но в ней, по-моему, удивительно совсем не то, что малокомпетентные посторонние люди протестуют против очевидных теоретических абсурдов, а, наоборот, то, что сами-то тысячи признанных специалистов, которых трудно заподозрить в недостатке знаний и понимания, словно слепнут к этим абсурдам и притом как будто вполне *искренне*. Правда, потом, когда силой обстоятельств вдруг обретут независимость, например, после политического банкротства вчерашней идеологической святыни или после выхода на пенсию в почетные (regards) профессора, внезапно чудесным образом прозревают и начинают неприлично костерить поверженного кумира. Иногда даже не смущаясь гордиться, что истину знали всю жизнь.

Разумеется, беда не в коллективности и корпоративности как таковых.

Если ученый обеспечен хотя бы минимумом ему необходимого и возможностью найти единомышленников, чтобы объединиться с ними в соперничающую свободную организацию, торжество чудо-теории невозможно. Она останется разве что в *статусе* всего лишь **одной** из многих “школ”, “мнений”, “направлений”, не могущих *диктовать* свое мнение **всем** другим и обществу в целом как “*единственно* верное”.

Фундаментальная причина извращений науки – её корпоративность именно **коммерческая** и **бюрократическая**, наёмностью лишая ученых независимости.

Поэтому преодоление таких *корпоративных извращений* в науке несёт та же **бесплатность** личного потребления, независимое **общественное обеспечение** её признанных специалистов хотя бы минимумом им лично жизненно **необходимого**, а также общественное признание их **права на оппозицию** (≡ свое мнение), а потому и возможность получать гос. финансирование или банковский **кредит** на собственную соперничающую исследовательскую организацию и экспериментальное оборудование.

А это, называя вещи своими именами, есть **свободный коммунизм**⁴.

⁴ См. *Л. И. Ибраев. Наш путь к коммунизму. Доклад на конференции ДПР. Таир, 2002 г.* – Website: www.Leonard-I-Braev.ru